

**Топонимия и исторические предания:
к вопросу о взаимодействии различных версий
этнокультурной информации***

Вопросы взаимодействия топонимии и фольклора неоднократно поднимались в трудах исследователей, работающих в этих областях народной духовной культуры (хотя следует отметить, что топонимисты проявляют здесь меньшую активность, чем фольклористы). Изучались вопросы, связанные с особенностями отражения топонимов в текстах произведений устного народного творчества¹, а также специфика текстов, созданных в связи с топонимами, – топонимических преданий². Если фольклористов интересует в первую очередь мотивная структура и тематические разновидности этих преданий, то лингвисты анализируют топонимические предания с точки зрения возможностей верификации внутренней формы топонима³, причем иногда в таких исследованиях звучат «охранительные нотки», поскольку их авторы стараются как можно более доказательно опровергнуть те «досужие вымыслы» относительно происхождения топонима, которые содержит предание⁴. В

* Работа выполнена при содействии Программы поддержки научных исследований Института Открытое общество (RSS/OSSF), грант № 200/1999.

¹ Агеева Р.А. Пространственные обозначения и топонимы в заговоре как типе текста: (на восточнославянском материале) // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982. С. 132–159; Гордеева О.В. Русская гидронимия и ойконимия бассейна реки Обвы на Западном Урале: Дис. ... канд. филол. наук / Перм. гос. ун-т Пермь, 1997. С. 186–189; Сумцов Н.Ф. Местные названия в украинской народной словесности // Киевская старина. 1886. № 10. С. 267–292; и др.

² Габисова С.З. Топонимические и генеалогические народные предания осетин // Осетинская филология. Современность и традиции. Владикавказ, 1992. С. 115–134.; Дмитриева Т.Н. Топонимические легенды казымских хантов // Традиционная культура финно-угров и соседних народов: Междунар. симпозиум. Петрозаводск, 1997. С. 76–78; Криничная Н.А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л.: Наука, 1987. С. 70–77; Сокил В.В. Топонимические легенды и предания украинцев Карпат: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1990. 20 с.; Соколова В.К. Типы восточнославянских топонимических преданий // Славянский фольклор. М., 1972. С. 202–233; и др.

³ Бунчук Т.Н. Роль топонимических преданий в этимологии топонима // Общие проблемы преподавания языков: преподавание русского языка финно-угорской территории: Тез. Междунар. науч.-метод. конф. Сыктывкар, 1998. С. 23–24; Трубе Л.Л., Пономаренко Г.М. Наивная этимология и фольклор в топонимии // Ономастика Поволжья: Мат.-лы I Поволжской конф. по ономастике. Ульяновск, 1969. С. 182–185.

⁴ См.: Трубе Л.Л., Пономаренко Г.М. Наивная этимология и фольклор в топонимии. С. 184.

вышеназванных исследованиях изучаемые вопросы рассматриваются преимущественно в статической плоскости – в плане **отражения**, предположим, топонимов в фольклорном тексте, но не в динамическом аспекте, предполагающем анализ **порождения**, динамики взаимодействия элементов этих культурных кодов. Кроме того, практически не подвергалась изучению специфика версий этнокультурной информации, которая репрезентируется фольклорными текстами и системой географических названий.

Эти вопросы избраны предметом рассмотрения в настоящей статье, основанной на материалах картотек Топонимической экспедиции Уральского университета по территории Русского Севера (Архангельская, Вологодская, Костромская области).

Ситуации взаимодействия топонимической и фольклорной информации оказываются сфокусированными, главным образом, в явлении, которое предлагается обозначить термином **фольклорная ремотивация топонима**. Фольклорная ремотивация топонима может считаться разновидностью общезыковой ремотивации; суть ее состоит в попытке объяснения внутренней формы топонимов с помощью произведений устного народного творчества или в связи с ними. Таким образом, тополема, инициировавшая фольклорное произведение, превращается в его структурный элемент. Иными словами, то, что на языковом уровне (в языковом сознании носителей топонимической системы) является **мотивировкой** географического названия, на уровне фольклорного текста становится одним из **мотивов** последнего. Однако если для фольклорного текста вопрос об истинности/ложности мотива нерелевантен, то для топонимии проблема соответствия вторичной мотивировки исходной является достаточно важной. В случае соответствия приходится признать, что фольклорный текст стал базой для появления топонима; случаи несоответствия переводят проблему из плоскости собственно номинации в плоскость восприятия языковой единицы. Возникающий в результате фольклорной ремотивации текст, как правило, является топонимическим преданием (реже присловьем) – в том его понимании, которого придерживается, к примеру, В.К. Соколова, считающая, что «цель топонимических преданий – объяснить, почему произошло то или иное название местности, поселения»⁵. Наиболее частотны топонимические предания с историческими мотивами, поэтому именно они анализируются в статье.

Тематика топонимических преданий с историческими мотивами, являющихся интереснейшими свидетельствами исторического сознания

---

⁵ Соколова В.К. Типы восточнославянских топонимических преданий. С. 202.

носителей традиционной культуры, в целом совпадает с перечнем тем исторических преданий, составленным Н.А. Криничной: предания об аборигенах края, о «панах», о кладах, о силачах, о разбойниках, о борьбе с внешними врагами, об исторических лицах (этот перечень определяет порядок подачи преданий в сборниках [ПРС, СП]). Однако Н.А. Криничная осуществляет общую классификацию исторических преданий, не выделяя в их корпусе топонимические. В то же время специфика топонимических преданий заключается в том, что они разворачиваются как реакция на языковой сигнал – слово-стимул; при этом характерно, что **тематически разные предания** (допустим, предания о «панах», чуди или о разбойниках), будучи спровоцированы одним и тем же языковым стимулом, приобретают сходную сюжетную структуру.

Кроме того, важно отметить, что в некоторых случаях процесс порождения фольклорного текста «заражает» комплекс смежных топонимов: предание, появившееся на базе одного из названий, дает дальнейшую «филиацию» преданий (или же получает новый толчок для сюжетного развития), опирающихся при своем разворачивании на обозначения смежных объектов и направляющихся ими. Тем самым в круг языковых «провокаторов» фольклорного произведения втягиваются названия, которые при других условиях, в ином контексте, не смогли бы стать объектом фольклорной ремотивации. Рассмотрим следующую ситуацию. Около д. *Ивакино* протекают р. *Повалиха* и р. *Хмельёвица* [Кологр]. Из этих трех названий наиболее ярко выраженными «фольклорогенными» свойствами обладает топоним *Повалиха*. Это наименование (мотивированное, наверное, свойствами ландшафта, ср. объяснение названия ур. *Повалиха* в Тугулымском районе Свердловской области: «деревьев там много навалёно» [Туг, Щелконогова]) осмысливается в связи с семантикой физического уничтожения; соответственно, географический объект представляется ареной борьбы с внешними врагами. В роли последних на территории Костромской области чаще всего выступают татары, паны или разбойники. Дальнейшее развитие сюжета направляется названиями расположенных рядом объектов: имя героя – *Иван* – извлекается из ойконима *Ивакино*; последовавшие за боем события – из наименования р. *Хмельёвица* (типичный финал многих военных и не только военных действий!), ср. соответствующие легенды: «*Иван* с *Ивакино* здесь всех татар *повалил*, оттого и речка *Повалиха* называется, и деревня *Ивакино*»; «крымские татары здесь были, под *Повалихой* *Иван* их *повалил*, в *Хмельёвице* *опохмелились* после бою» [Кологр, Слеповское, Ивакино].

Ср. также топонимическую триаду д. *Избоищи*, д. *Клыпино*, г. *Шолохова Гора* [Чаг], с которой связываются следующие легенды: «избиение литовцев там было»; «Клыпино назвали: *хлыпали*, шли тихо, еле-еле перед боем»; «здесь литовская война проходила, *шолох* по-старинному дозор означает» [Чаг, Избоищи]. В этом ряду роль инициатора преданий больше всего подходит, разумеется, названию д. *Избоищи*, с которым связывается представление о происходившем когда-то бое (кстати, такая мотивировка может быть вполне реальной, ср. *избой* ‘место, где происходила драка’ [СРНГ 12, 94]). Соответственно интерпретируется название д. *Клыпино*, которое связывается в сознании информантов с глаголом *клыпать* ‘идти прихрамывая, ковылять’ [СРНГ 13, 316]. Название *Шолохова Гора* вводится в этот ряд через связь с лексемой *шолох* в незасвидетельствованном значении ‘дозор’ (возможна вторичная ассоциативная связь с жаргонным *шорох*, ср. *стоять на шорохе* (*шухере*) ‘стоять на страже, подстраховывать’).

Аналогичным образом предания о борьбе с какими-либо врагами могут развернуться при сопряжении *вахтенных* топонимов (образованных от названия растения *вахта* ‘трилистник’ [ЛК ТЭ]) с военной *вахтой*; о путешествиях Петра Первого – при переосмыслениях названий, включающих элементы его имени и титула, – *Петрово*, *Великое* и т.п.; о поездках Ивана Калиты – при народноэтимологической перекодировке географического термина *калита* ‘небольшой земельный надел’, ‘часть пахотного поля’ [ЛК ТЭ; СРНГ 12, 359] и др. При этом топонимы, находящиеся рядом с *вахтенным*, *великим* и т.п. названиями, корректируют сюжет, добавляя новые детали. Таким образом, практически любой топоним может оказаться связанным с фольклорным текстом, однако различные географические названия играют разные роли при формировании топонимических преданий: выделяются названия-«застрельщики», которые иницируют творение фольклорного текста, закладывая основу действия, и названия-«аранжировщики», создающие дополнительные сюжетные ходы. Совместная «работа» топонимов того и другого типа может привести к появлению достаточно обширных текстов, ср.: «когда-то деревни у устья Выи были заселены людьми чудского племени. Первыми были заселены деревни *Васильево* (по имени первого поселенца *Василия*) и *Чудиново*, ставшее потом столицей *чудей*. Но потом из-за Етчуги на эти земли пришли завоеватели новгородцы. Чудской князь убил из лука князя новгородского, когда тот гулял по полю со своей невестой. Потом это место по правую сторону реки *Выя* у д. Клинья было названо *Княжм Полем*. Новгородцы похоронили своего князя на берегу реки и долго плакали (*выли*) о нем. Поэтому река называется *Выя*. А то место, где плакало новгородское войско, назвали

Вылково. Деревня, где стояла *вахта* чудей, названа была *Вахтинской*, а где *остальные* их силы – *Осташово*. После гибели своего князя новгородцы прогнали чудей с этих мест. Чудское войско шло по дороге, которую само и прокладывало среди леса и рад. Эта дорога была названа потом *Ратней*. Место, где грелись чуди на привале, называлось *Бритня Рада*, где убили первого коня – *Конева Рада*, где убили первого быка – *Быкова Рада*. Перед тем, как уйти, чудские воины затопили в озере под горой большой котел золота. Место, где стояла крепость князя чудского, а затем *разрушена* была новгородцами, называлось *Свал*. *Чисть* – место у самого истока Шочи, где, якобы, каждый чудской воин, уходя, бросил горсть песка, а потом там побежала Шоча и получился остров. А чуди ушли в Коми» [В-Т, Чудиново].

Фольклорная ремотивация может стать «модной» на какой-либо территории, вследствие чего топонимное предание начинает восприниматься как обязательное условие функционирования географического названия. В этом случае может возникнуть своеобразная «легендарная болезнь»: попытка вписать все названия в один сюжет иногда захлебывается из-за сюжетной несовместимости извлекаемых из топонимов стимулов; тогда возникают перебивы в разворачивании текста – и не уложившиеся в один текст топонимы укладываются в другой (при этом нацеленность преданий на фиксацию «исторических событий» может оказаться невыдержанной). В качестве примера можно привести тексты, функционирующие в связи со всеми названиями деревень Климовского сельсовета Коношского района Архангельской области. Названия расположенных рядом деревень *Степачиха*, *Поздеевская* и *Мокеевская* связываются в следующую историю: «Раньше сюда одни беглые селились. Так живут по одному, не знают, что соседи есть. Один мужик сверху озера байну построил, париться стал, а веник березовый на берегу оставил. Его смыло, а озеро у нас проточное. Веник и доплыл до другого берега. Там другой мужик жил, веник к нему ткнулся. Вот он видит – человеческих рук дело. Решил поискать выше, нет ли кого. Нашел того. «Вот, – говорит, – надо нам называть места-то наши. (А пришел он поздно вечером.) Меня зовут *Степан*, так деревня моя – *Степачиха*. А раз пришел к тебе *поздно*, деревня твоя будет *Поздеевская*». А потом *Мокеевскую* назвали по *Мокею*» [Мокеевская]. Рядом с этими тремя деревнями расположены деревни *Вершинино* и *Узлово*. Их названия порождают такой текст: «Бойкие были мужики в Вершинине, хоть и неграмотные. Они *вершили* дела по всей волости. А в Узлово еще толковее и словоохотливее. Они обдумывали – завязывали в *узел* всю сходку по всей волости. Вершининцы брали верх, доказывали, кому какие земли. А в Узлово все дела в узел завязывали» [Вершинино]. Что касается на-

званий деревень *Заважерце* и *Малышкино*, то они объединяются так: «*Заважничали* в Заважерце: «Мы-то высокие, а вы все *малышки*». Вот и называли так деревни» [Кеменцево] и т.д.

Вышесказанное позволяет утверждать, что с лингвистической точки зрения традиционная тематическая классификация преданий нецелесообразна (как уже говорилось, тематически разные предания могут быть созданы на базе одного и того же стимула: положим, под *Павиным* оказываются убитыми (*павшими*) какие-нибудь внешние враги – на одной территории это чудь, на другой – татары, на третьей – паны). В лингвистическом плане представляется важным и значимым разработать такой способ классифицирования, который бы позволил выявить **языковые механизмы** формирования преданий. Это классификация по опорным словам, которые сводятся в определенные ассоциативные поля. Перечень таких ассоциативных полей может дать набор тем, на которые реагирует языковое (и историческое) сознание носителя традиционной культуры; частично этот набор будет соответствовать традиционной тематической классификации.

Представим материал, сгруппированный по ассоциативным полям, образованным топонимами, восстановленными из топонимов, с которыми связаны предания. В состав полей включены только те топонимы, которые, во-первых, играют активную, иницирующую роль при формировании преданий; во-вторых, подвергаются группировке в определенные смысловые блоки.

При подаче материала выделяется слово-стимул, затем приводятся топонимы и соответствующие мотивационные контексты, в которых подчеркиваются лексемы, являющиеся текстовым отражением слова-стимула. Отметим еще раз, что опорное слово может быть восстановлено из топонима по законам народной этимологии – это не важно для изучения процесса фольклорной ремотивации, так как наиболее значима психологическая реальность ремотивации в сознании носителя топонимов.

Следует оговорить еще одно обстоятельство. В представленном ниже материале имеются различные по своему характеру текстовые фрагменты. Среди них есть полноценные фольклорные произведения с достаточно разработанным сюжетом, есть и «вырожденные» исторические предания, сводящиеся к одному-двум сюжетным ходам, а есть и тексты, которые трудно считать фольклорными произведениями, – скорее, это «легендарные» мотивировки топонима (ср. фрагменты вроде «клад там зарыт», «стреливали тамока прежни люди», «кто там бился, я не знаю, – шведы, что ли» и т.п.). Такие «легендарные» мотивировки довольно часто заменяют собою фольклорные тексты, что отчасти объясняется

обстоятельствами сбора материала в условиях топонимической экспедиции: перечисление топонимического ряда настраивает информанта скорее на краткие пояснения к топонимам, чем на воспроизведение развернутых фольклорных произведений. В то же время «легендарная» мотивировка без труда может быть развернута в полноценный фольклорный текст. По этим причинам мы сочли возможным включать их в приведенный ниже перечень фольклорно-топонимических соответствий.

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ»

бой (побоище и т.п.): ур. *Боевое* – «там были бои в 18 веке, проходила война – или шведская, или финская» [Ваш, Малая Чаготма]; д. *Ишкобой* – «поляки тут были, бой был большой, вот и зовется «Ишь, какой бой!» [Кир, Малышово]; руч. *Кибой* – «бой там был какой-то» [Бел, Таршинская]; поле *Побоище* – «чудь сражалась с русскими» [Пин, Пиринемь]; д. *Побоище* – «стоял идол у народа. Когда ограбили викинги, то их логнали и было побоище. Так и деревню называли» [Холм, Анашкино]; пок. *Побоище* (недалеко д. *Боярская*) – «кто там бился – я не знаю, шведы, что ли» [Плес, Боярская];

вахта: д. *Вахтинская* – «когда шла борьба между новгородцами и чудью, новгородцы держали здесь вахту. Здесь жил чудской князь» [В-Т, Селяково]; лог *Вахтенный* (недалеко бол. *Панское*, ур. *Могильники*) – «бои были с панами, здесь вахта стояла» [Карг, Лохово]; ложбина *Вахтенная Ляга* – «чуждей-людей дом, ложбина такая большая, дома три войдет – строить дак» [Уст, Будрино];

воин: мост *Воин Мост* – «в какие-то войны какие-то войска проходили по этому мосту» [Уст, Ульяновская];

знать: луг *Гончий* – «до этого места смогла довести карбас жившая здесь чудь. Это выше Илеша. Гнали чудь дотудова» [В-Т, Красная];

зубить: д. *Губино* – «пагубное место было, пан и паниха тут захоронены, вот и деревня Губино», «Губино – потому что много народу легло, дедушки рассказывали» [Меж, Дубовиха, Федоровское];

дружина: оз. *Дружининское* (в него впадает р. *Егорьевка*, рядом д. *Ростани*): «Егорий там помог дружине с панами сразиться, святой Егорий их спас, явился на коне, паны-то испугались», «дружина шла против панов, у Ростаней они расстались: одни в одну сторону пошли, другие – в другую» [Ваш, Прокино];

карать: д. *Карацелье* – «по преданию, здесь новгородцы покарали чудских пленников, сбросив их в Вашку с горы» [Леш, Лешуконское];

кровь: руч. *Кровавая Торочейка* – «там какое-то сражение было, много крови пролилось» [Карг, Чепца]; ур. *Крово* (рядом д. *Чучепала*) –

«там местечко есть, *Крово* называется, так там чуди много побили» [Леш, Койнас, Кеслома];

палить: с. *Палема* (в нем ур. *Резаниха, Городище*) – «нашу-то Палему звали Городок, здесь городище было, воевали с чудью. Чудь пыталась спалить Палему, вот так и зовут ее», «по р. Луза на Устюг шла чудь. Здесь ей перегородили путь. Крепость была, городище осталось. Бои были, смолевые бревна зажигали и сбрасывали на чудь. Преградили ей путь на Устюг. В честь боев урочище рядом назвали *Резаниха*» [В-Уст, Палема];

пасть 'погибнуть': лес *Павшино* – «там паны пали, бой был, вот и Павшино» [Ваш, Тарасьево]; д. *Павшино* – «много татар было побито, много павших было» [В-Уст, Павшино]; д. *Чучепала* (рядом ур. *Крово*) – «мы-то сюда с Новгорода заселились, а раньше тут всякая была чудь белоглазая. Дальше деревня есть Чучепала, там чудь побили, чудь пала, а первый бой был у Лешуконска» [Леш, Койнас, Кеслома];

повалить: р. *Повалиха* (легенду см. выше);

рать: пок. *Ратное* – «там рать панов шла, их разбили» [Карг, Шуйгино]; бол. *Ратное* – «поляки в 400-х годах шли, хотели попасть в Каргополь с Ухтозера. Старик ухтозерец повел рать польскую – да и погубил ее. Царь за это всё обещал ухтозерам. Болото и назвали в честь того, что рать здесь погубили» [Выт, Кузьминская]; дор. *Ратняя Дорога* – «когда шли новгородские ратники, воевавшие с чудью, они несли по горстке песку и бросали его в одном месте, набросали целую гору», «когда новгородцы стали теснить племя чудь, то она пошла прямо лесом со всем своим имуществом. Они тянули длинное дерево, которое служило им компасом. Дорога шла почти прямо. Было похоже, что идет целая рать» [В-Т, Клинья]; куст дер. *Ратонаволоок* – «рать какая-то стояла там» [Холм, Лохта];

резать (ся): д. *Рязань* – «резались там какие-то племена» [Уст, Зыково]; д. *Резаново* – «наступали шведы, бой был, зарезали много шведов» [У-Куб, Никольское]; д. *Резя* – «по преданию, новгородцы, превосходившие числом чудь, устроили здесь резню» [Леш, Резя]; ур. *Резаниха*, рядом с. *Палема*, ур. *Городище* – «там война была какая-то, резались»; «это Резанка, не Рязанка. Там резня была с чудью» [В-Уст, Палема] (см. также *палить*);

сотня (военная): лес *Сотый Бор* – «там сотня новгородцев стояла, потому Сотый Бор называется» [Холм, Нефериха]; поле *Сотница* – «татары были, сделали побоище, разбили татар сотню, вот и Сотница» [Шар, Коурчиха];

стан: гряда *Становое* (на оз. *Святое*) – «битва была здесь Тевтонского ордена, очень высокое каменистое место. А потом они под воду

ушли» [Кон, Пешково]; д. *Стан* – «старики бают, здесь польский стан был, так название и осталось» [Кад, Семенская];

стрелять (стрелец): плесо *Стрельцово Плесо* – «говорят, на этом плесе чудь стрелялась из стрел, вот и называют Стрельцово Плесо» [В-Т, Палова]; ур. *Стрелица* – «стреливали тамока прежни люди» [Пин, Шотогорка]; р. *Стрелица* – «Иван Грозный стоял со своими стрельцами» [Сок, Павлово].

Комментарий. Это ассоциативное поле является наиболее обширным и хорошо проработанным, не случайно большинство составляющих его топонимов реализуются в двух и более географических названиях на разных территориях. Здесь преобладают народноэтимологические переосмысления (ср. *вахта, губить, карать, палить, пасть, стрелять* и др.); мотивировки, имеющие под собой реальные основания (но необязательно такие, какие диктуются преданием), можно предполагать для топонимов, образованных от слов *бой, побоище* (конечно, кроме названий *Ишкобой* и *Кибой*, где представлен субстратный географический термин *бой*⁶), от основы *рат-* (хотя для некоторых названий можно предположить связь с фин. *rata* 'путь, дорога', *ratama* 'протопанная тропа, тропинка', карел.-ливв. *rada* 'береговая дорожка' и др. [SKES, 742–743]) и др.).

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «ИСТОРИЧЕСКОЕ ЛИЦО»

Петр Первый:

батарея: ур. *Батарея* (часть о-ва *Никольский*) – «Петр Первый пушки ставил, его батарея была» [Прим, Красное];

великий: луг *Великие*, рядом пок. *Княжий Стан* – «Петр Великий плыл по Двине, на лугу ночевал, уху ел, потому Великие. А князя его рядом, поэтому там теперь пожня Княжий Стан»; «Петр Первый расположился, когда проезжал» [В-Т, Нестюковская, Никулинская]; руч. *Великий* – «там Петр Первый проезжал, чуть не утонул» [Плес, Zubovo];

корабль: лес *Корабельная Роща* – «Петр Первый брал сосну на корабли» [В-Уст, Павшино];

мачта: лес *Мачтовый Лес* – «Петр Первый закупал лес на мачты» [В-Уст, Подворские];

Петр (хоробрый): г. *Петровая (Петрова Гора)*, недалеко прк. *Царский Пережат*, куст дер. *Хоробрицы* – «Петр Первый, когда здесь был со своими солдатами, то пил на этой горе чай, – и в память о нем называли гору Петровой»; «Петр Первый со своими войсками здесь проходил, на

⁶ Субботина Л.А. Географический термин *бой* и его варианты в субстратной топонимии Белозерья // Этимологические исследования. Свердловск, 1984. Вып. 3. С. 98–119.

этой горе он чай пил»; куст дер. *Хоробрицы* – «жители этих деревень заташили на угор пушку, которую не могли затащить солдаты Петра Первого, за что Петр назвал их храбрецами», «Петр Первый назвал храбрецами местных мужиков, которые таскали его на себе через ручейки и овраги» [Холм, Закода, Сельцо Гора, Лысица, Заручей] (ср. также название расположенной рядом г. *Важгора* – «Петр Первый, когда был здесь со своими солдатами, то назвал эту гору Важной, а мужики сократили» [Холм, Закода]);

царь: д. *Царево* (оф. *Псарёво*) – «у царя Петра раньше псарня была» [Прим, Псарево]; д. *Царёво* – «там царь Петр отдыхал» [В-Уст, Каликино];

И в а н К а л и т а :

калита: пок. *Калита* – «Иван Калита у нас проезжал, хотел сражаться с панами, а они сами убрались» [Карг, Астафьево]; пок. *Калита* (вар. *Иван Калита*) – «там проезжал Иван Калита» [В-Уст, Стрелка]; залив *Калита* – «в честь Ивана Калиты назвали» [Бел, Лесуново] (ср. также контекст, где содержится любопытная образная разработка представления об Иване Калите: пок. *Прикалитки* – «Прикалитки – это от слова Калита. Иван Калита – знаете? Скот ходил на лугу и было выгорожено, весь скот собирался в одно место – назвали Калитой. Как Иван Калита собирал всё в одно место» [В-Т, Емельяновская]);

Е к а т е р и н а (П е р в а я и В т о р а я):

Катерина: ур. *Катерининская Береза* – «якобы здесь проезжала Екатерина Вторая и по ее указанию посажена эта береза» [Чухл, Кислово]; дор. *Катерининский Тракт* (= *Сибирский Тракт*) – «Катерина Первая ездила по ней на Сибирь» [Меж, Горка];

И в а н Г р о з н ы й:

виселица: поле *Виселка* – «Иван Грозный там кого-то вешал» [Тот, Пятковская];

С т е н ь к а Р а з и н:

Сенька: бол. *Сенькино Болото* – «Стенька Разин скрывался» [Выт, Ялосарь];

Е р м а к:

Ермак: г. *Ермакова Гора* – «Ермак начал путешествие в Сибирь именно отсюда, да и набеги он делал от этой горы на барках. Гора высокая, с нее видно 12 церквей. Старики всё искали клад, который оставил Ермак на Луковом болоте под Ермаковой Горой» [К-Б, Игнатовская]; р. *Ермаковка* – «говорили, Ермак здесь ходил» [У-Куб, Останково];

декабристы:

Бестужев, Пестель: с. *Бестужево* и др. – «у нас тут декабристы жили. Пестово – в честь Пестеля. Бестужево – в честь Бестужева. Тимонин – Тимонин был. Уголиха – Уголин был, Жоховская – Жоховской» [Уст, Пестово];

царь и знать:

боярин: г. *Боярская Грива* – «воевали бояре с турками» [Ваш, Ново-кемский]; д. *Боярское* – «бояре в ней когда-то жили» [Сок, Кувшиново];

воевода: поляна *Воевода* – «там валун такой лежит, говорят, что воевода похоронен» [Пин, Церкова];

князь: поле *Князево Поля* – «там, где Выйский сельсовет, места были заселены беглыми крепостными. Здесь и поселилась чудь. Приехал князь, забрал всю землю, чудь погнал за реку Пинегу. Так там за рекой деревня стала Чудиново» [В-Т, Ручей]; луг *Княжой Луг* – «там князь пировал» [Ваш, Прокино]; пок. *Княжий Стан*, рядом пок. *Великие* – «Петр Великий там ехал, отдыхал, вот и Княжий Стан» [В-Т, Сорокумовская], «Петр Великий плыл по Двине, на лугу ночевал, уху ел, потому Великие. А князя его рядом, поэтому там теперь пожня Княжий Стан [В-Т, Нестюковская]; о-в *Княжостров* (рядом д. *Старое Стражково*) – «раньше князь жил на Княжострове» [Прим, Старое Стражково]; р. *Княжая* – «князь там ходили новгородские» [Вил, Стафоровская]; дор. *Княжевая Дорога* – «по лесу шла она, ездил по ней князь на трех собаках в Подольное чай пить» [У-Куб, Подольное]; пок. *Княжие* – «князь жил» [Кад, Средний Двор]; д. *Княжигора* – «здесь были высокие горы, может, князь какой жил. Вот и Княжигора» [К-Г, Княжигора];

стража: д. *Старое Стражково* (на о-ве *Княжостров*) – «раньше князь жил на Княжострове, а здесь стража жила, потому Стражково» [Прим, Старое Стражково];

царь: пролив *Царские Ворота* (недалеко о-в *Спас Каменный*) – «здесь Петр Первый проезжал или Иван Грозный. На камни его вышвырнуло, на остров, он и спасся. Остров называли Спас Каменный, а пролив, по которому он плыл, – Царские Ворота» [У-Куб, Устье]; пок. *Царьлуг* – «царь на лугу жил» [Сок, Грибцово]; д. *Царёва Гора* – «царь был, шел да на камешке сидел, называли Царёва Гора» [В-Уст, Пупышево].

Комментарий. На территории Русского Севера самым популярным историческим лицом является, конечно, Петр Первый. Рассказы о Петре возникают не только в связи с топонимами, образованными от лексем, указывающих на имя, титул Петра или его типичную деятельность – строительство кораблей, но и в связи с множеством других названий, локализованных преимущественно на северо-западе Архангельской об-

ласти – в Приморском, Холмогорском, Онежском районах (кроме этой зоны «сгущения»), легенды о Петре встречаются во всех остальных районах Русского Севера – где в двух-трех, где в пяти-шести вариантах). Можно сказать, что вся топонимия Русского Севера реально или потенциально включена в единый свертхтекст о деяниях Петра Первого. Судя по сборникам преданий, подготовленных Н.А. Криничной [СП, ПРС], в этот текст вписывается топонимия Ленинградской, Мурманской областей и Карелии. В этих преданиях Петр предстает не только как путешественник, строитель и вершитель других осязаемых, реальных дел; его статус великого царя и великого творца превращает его в первую очередь в универсального номотета, призванного номинировать элементы окружающего географического пространства. Ср. примеры номинативной деятельности Петра Первого в районе двинских устьев и Летнего берега Белого моря (Приморский район Архангельской области): дд. *Наумцево* и *Скрылевская* – «Петр Первый заблудился, а мужики из одной деревни его на ум наставили. А из другой деревни мужики скрылись. Петр одну деревню Наумцево назвал, а другую Скрылевской» [Ластола]; д. *Беричево* – «у одного из крестьян потерялся хомут. Петр протянул ему свой: «Бери». А тот не понял: «Чего?» И стала деревня называться Беричево» [Беричёво]; д. *Ластола* – «Петр увидел ласточек и сказал: «Пусть это будет Ластола» [Ластола]; д. *Красная Гора* – «Петр Первый, проезжая мимо деревни в какой-то праздник, увидел, что на горе девки в красных сарафанах водят хоровод. Он залюбовался и решил назвать деревню Красная Гора»; «Петр Первый выудил в нашей деревне красноперого окуня и решил назвать деревню Красная Гора»; «Петр Первый ехал, а бабы вышли все к ему на угор в красных сарафанах. Он и назвал деревню Красная Гора» [Красная Гора]; д. *Дураково* – «Петр Первый плавал там, на баклан сел, корги-те обсохли. Выругался: «Дураки здесь живут»; «Петра Первого качнуло у этой деревни, вот он и назвал мыс Дурак, а деревню – Дураково» [Лопшеньга]; о-в *Тиноватик* – «здесь все названия дал Петр Первый. Тиноватик – потому что тины много» [Ластола]; р. *Поганая* – «Петр Первый ехал, напился из реки, вода невкусная, назвал Поганая» [Красное]; д. *Трепузово* – «царь Петр ехал, увидел трепуzych людей – вот и назвал деревню» [Трепузово]; д. *Красное* – «Петр Первый проплывал, видит, тут красиво, солнышко. Назвал Красное» [Красное]; о-в *Свинецкий* – «Петр Первый дал такое имя, говорит: Свинцу не сгореть и Свинца не унесет, а в прошлом годе два дома унесло» [Питяево]. Ср. подобные легенды на других территориях: д. *Чухчерема* – «деревня была освоена Чухом, которого Петр Первый, рассердившись, сбросил с колокольни и сказал при этом: «Чуху черема!» [Холм, Чухчерема]; р. *Окольная Сухона* – «название Петр

Первый придумал: сутки плыл и прибыл к этому месту» [Сок, Оларево]; р. *Сухона* – «Петр Первый проезжал здесь и говорит своему лакею: «Высуши мои портянки». И когда они проезжали мимо реки, лакей отдал ему сухие портянки. Петр спросил: «Сухо?» – Лакей: «На!» Так и назвал реку – Сухона» [У-Куб, Малая Верхотина].

Что касается остальных исторических деятелей, то легенды о них встречаются sporadически – за исключением Ивана Калиты, чье имя, как уже говорилось, возникает на «исторической арене» Русского Севера за счет сближения с популярным в топонимии географическим термином *калита* (ареал распространения термина *калита* соответствует ареалу функционирования легенд об Иване Калите). Интересная деталь: если предания о Калите, Катерине, Ермаке, декабристах порождаются исключительно «антропонимическими» стимулами (т.е. лексемами, напоминающими или воспроизводящими соответствующий антропоним), то Иван Грозный вошел в «фольклорную историю» благодаря своей деятельности – он «кого-то вешал» в Тотемском районе Вологодской области (ср. деятельность Петра – строителя кораблей).

Предания об «абстрактных» царях, князьях и т.п. нередко возникают при событийном переосмыслении образных *царских* и *княжеских* названий, реализующих признак ‘выделяющийся по каким-либо качествам’, ср. мотивировки: пок. *Царская* – «хороший покос» [Влгд, Евлашево], пок. *Царёво* – «земля там хорошая» [Чаг, Герасимово], р. *Княжая* – «река большая, хорошая, больше других ручьев. Как бы княжеская – оттого что большая» [Вил, Ивановская] (ср. также в апеллятивной лексике: *княжно* ‘об изобилии всего где-либо’ [СРГК 2, 380], *князь* (*сам-князь*) ‘высокий урожай зерновых’ [НОС 4, 62], *царский* ‘такой, как у царя, достойный царя, великолепный’ [СРЯ 4, 633]).

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «ЧУЖОЙ НАРОД, ПЛЕМЯ»

чужак вообще; чужд:

дурак: пок. *Дураки* – «дураки были, выкопали три ямы, на столбы груз всякий положили и крышу на себя обрушили», «дураки какие-то были, с каторги, что ли, бежали, столбы в яме подрубили и крышу на себя обрушили» [В-Т, Червленая Слудка, Барановская];

лопарь: д. *Лопариха* – «лопари там жили, племя такое» [У-Куб, Куркинская]; д. *Сулопариха* – «есть деревня Сулопариха, жили там белоглазые лопари» [Котл, Забелинская];

⁷ *Княжьи* топонимы могут реализовывать и другие номинативные признаки, обозначая, к примеру, места, богатые ягодой княженикой (княжицей) или же имея «социальную» мотивировку, ср. *княщина* ‘подать’ [НОС 4, 62].

челпан⁸: г. *Челпан* – «челпаны там жили недоразвитые, чудаки», «бугор выдался, как бородавка. Говорили, там кто-то похоронен», «говорили, там царь с конем похоронен» [Ваш, Харбово, Бонга, Ганино];

чудак: д. *Чудачиха* – «здесь у нас чушь раньше ходила, оттого такое название [В-Т, Пога]; д. *Чудачиха* – «чудаки жили, сами себя похоронили где-то на горе» [Котл, Ядриха]; поле *Чудаки* – «вот эти чучки и жили там, совсем недалеко от Старого Егория» [Ник, Филиппово];

чуд (*чуль-, чур-, чух-, чуч-, чуш-* и др.): ур. *Чудница* – «там чудница жила, людей ограбляли»; «Чудница около Белоозера, там чудь давилась» [В-Т, Ларионовская]; д. *Чудиново* – «чудь осталась там. Вадюжана отлична была от нас, не мылись, не брились»; «Чудиново деревня названа так оттого, что здесь жили чуди, пока не пришли славяне. Их славяне прогнали. Гнали очень много народу на речку Вашку и там, где они прошли, по той дороге, на лошадях и на быках тянули целое дерево, чтобы шире было. Сделали они дорогу в память того, что здесь жили. Дорога стала называться Ратней» [В-Т, Ручей]; порог *Чудской Порог* – «пошла, говорят, чудь монастырь грабить, но не смогли, тут и остановились, а порог Чудским Порогом назвали» [В-Т, Лафтинская]; р. *Чуега* – «говорят, будто здесь чудь была» [Мез, Азаполье]; ур. *Чучково* – «отдельный такой мысок, вроде как коврига. Жила такая чудь дикая и на барки налетала, а здесь скрывалась» [К-Б, Гридинская]; куст дер. *Чухчин Конец* – «здесь была чудь, у них была война, и здесь они закончили, в этом месте, и назвали Чухчин Конец» [Холм, Таратины]; д. *Чухчерема* – «в древности деревня была населена чухчами и носила название Чухча»; «был чух какой-то» [Холм, Елисеевская]; д. *Чуласа* – «здесь был лагерь чуди, воевавшей с новгородцами»; д. *Чульпентий* – «чудаки, наверное, жили, чуди» [Лен, Большой Остров]; д. *Чучеры* – «чудь да рать тут была, сошлись, чудь победила рать – в честь его Чучеры назвали» [В-Уст, Изонинская]; д. *Чучепала* – «чудь была, здесь пала» [Леш, Койнас]; бол. *Чудское* – «там всё углубления, ямы от берега. Здесь чуди погубили себя. Когда жизнь стала невыносимой, рыли ямы, в центр ставили деревянный столб, на крышку наваливали камни, залезали в яму и рубили столб. Их всё время притесняли. Чуди добрые, миролюбивые. Они пытались дальше уйти на север. Они были вынуждены погубить себя» [Уст, Дубровская]; р. *Городчуха* – «Город-чуха, потому что чухчи жили, город был, крепость была» [Ник, Подольская]⁹;

⁸ Ср. в апеллятивной лексике: *челпан* 'темный, необразованный человек', 'придурак' [ЛК ТЭ].

⁹ Ср. также пермский топоним *Чучкова Гора* – «раньше там чучки жили, часто там находили лопатки маленькие, чучки-то сами небольшие были» [Сукс, Пеганово].

паны (поляки, литовцы и др.):

король: д. *Короли* (рядом д. *Бросачиха*) – «в 1712 году там стояли польские короли, потому так деревня и называется»; д. *Бросачиха* (*Бурсачиха*) – «с того берега, на котором стоит деревня, в Ваймугу бросали поляков»; «бурсаки стояли каки-то» [Холм, Лохта, Нефериха];

литва: ур. *Литвиново* – «литва прежде жила какая-то, маленькие люди, сто или двести годов, от отца еще слыжала» [Шенк, Нюнега];

лях: н.п. *Ляхмокурье* (часть пос. Устье) – «жили там ляхи, ну, поляки, бани как вечером затопят, мужики на берегу сидят, говорят: «Ляхи курят», «здесь ляхи ходили, курей воровали у наших жителей», «когда-то давно, до наших предков, жили здесь ляхи какие-то» [У-Куб, Устье]; д. *Ляхово* (*Ляховская*) – «когда-то был царь Михаил и у него была отдана Россия ляхам. Ляхи – это шляхта. Они сюда зашли и тут погибли. Как Иван Сусанин завёл, так их сюда занесло» [В-Т, Емельяновская];

пан: овраг *Панов Бор* – «панов били там, что ли, когда к Сусанину в Домнино пошли» [Сус, Головинская]; старица *Панинское* – «паны жили у нас, они были неграмотные и темные, здесь их сразили» [Ваш, Покровское]; ур. *Панской Стан* – «панской стан был, паны жили» [У-Куб, Сверчково]; г. *Панова Гора* – «давно на земле здесь ходили паны и установились на горе – *Панова Гора*» [Ваш, Дурасово]; д. *Панюково* – «жили паны, отсюда название» [Кад, Новинка]; бол. *Панское* (недалеко лог *Вахтенный*, см. *вахта*) – «там панов разбили да утопили» [Карг, Лохово]; пастб. *Панышок* – «панов похоронили» [Череп, Аннино]; г. *Панова Гора* – «паны жили, как стена из реки с берега» [Бел, Чулково]; ур. *Панова Горка* – «там паны жили» [Бел, Мартыново]; ур. *Пановское* – «паны там жили» [Бел, Коновалово];

поляк: бол. *Поляково*: «с полями там, видать, сражались» [Кад, Нижняя]; д. *Полинная* – «раньше деревня была, польское нашествие было, всё пропало» [Бел, Погорелка];

«польские слова»: д. *Томаша* – «здесь жили поляки. Томаша – польское имя, название идет от переселенцев из Польши в 18 веке» [В-Т, Пога]; р. *Томаш* – «там поляк жил Томаш, пришел туда, когда польское нашествие было» [У-Куб, Бовыкино]; бол. *Рада* – «польское какое-то имя, поляки здесь были» [Котл, Новинки]; куст дер. *Пусторадица* – «поляки хотели совершить набег на эти деревни. Люди узнали об этом и ушли со скотом и вещами в густой лес. Поляки не смогли ничем поживиться, пустая радость у них была. «Пустые рады вышли у поляков», – так говорит народ» [Кад, Кадуй]; д. *Янгосарь* – «был такой Ян Госарь, его войска в этой местности стояли, осаждали Кирилло-Белозерский монастырь» [Влгд, Бочманиха];

т а т а р ы:

татарин: д. *Татариново* (недалеко от д. *Палема*) – «татары жили давно, хан был наместник, шли на Устюг» [В-Уст, Биричево]; «когда была война татарская, татары подходили к Палеме, тогда у нас остался один татарин, так и называли – Татариново» [В-Уст, Первомайское]; оз. *Татарское* (рядом оз. *Чудское*) – «татары тутока жили, говорят» [Вель, Федоровская];

т у р к и:

турок: куст дер. *Турчасово* – «турки проходили, часовой стоял только час, вот и называли Турчасово» [Он, Пертема];

ф р а н ц у з ы:

француз: поле *Французские Полосы* – «будто бы шли французы, их тут побили, там и сейчас места боевые остались, в память о них и называли» [Устюж, Зыково].

Комментарий. Среди образов чужих (древних) народов наиболее популярен на Русском Севере образ чуди. Фольклорная судьба чуди представляет собой удивительный пример того, насколько сильным может быть воздействие языковых факторов при продуцировании фольклорных текстов. В языковом сознании носителей традиционной культуры именем *чудь* и связанным с ним могут быть обозначены: какое-то «финское» племя (какое?); «финские» племена вообще; древнее нерусское население Севера; чужак вообще; чужак, дурак, человек со странностями. Весь этот диапазон значений представлен в нашем материале.

Такая семантическая диффузность обусловлена чрезвычайной активностью разного рода контаминационных процессов. Если даже не принимать мнение некоторых исследователей об исконном родстве чуди и слов с корнем *чуж-*¹⁰ (тогда этнонимическое значение следует считать результатом вторичной спецификации), то нельзя не признать, что эти лексемы подвергаются мощному притяжению, вследствие чего происходит генерализация значения слова *чудь*, которая начинает обозначать нерусское население или чужака вообще, ср. наблюдение Е.Н. Поляковой над значением слова *чудь* на территории Прикамья: «чудью в Прикамье называют не только какие-то конкретные племена или народы определенной территории и определенной эпохи, а древнее, дорусское

---

¹⁰ См. об этом: *Левинтон Г.А.* К мотиву гибели великанов // Материалы Всесоюз. симпозиума по вторичным моделирующим системам. I(5). Тарту, 1974. С. 65–66; *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Русь и чужь: К проблеме этнокультурных контактов Восточной Европы и Балтийского региона в первом тысячелетии н.э. // Балто-славянские исследования. 1988–1996. М., 1997. С. 43–44. Обширный обзор этимологий этнонима *чудь* представлен в работе: *Агеева Р.А.* Страны и народы: Происхождение названий. М., 1990. С. 86–115.

население различных эпох»¹¹. Кроме того, этноним *чудь* неминуемо подвергается аттракции к лексемам *чудо*, *чудак*, отсюда значение 'дурак, человек со странностями'. В свою очередь, сближение слов *чудак* и *дурак* наделяет дураков чертами *чуди* (ср. легенду о «самозахоронившихся» дураках). В эту же орбиту втягивается лексема *челпан*. Появление у нее значения 'необразованный человек, придурок' следует объяснить, во-первых, тем, что экспрессивный начальный слог этого слова ассоциативно соотносится с созвучными сочетаниями на *ч-* (см. ниже); во-вторых, базой для ассоциативного развития может послужить то обстоятельство, что *челпан* в одном из своих основных значений означает гору, холм – место проживания «чудаков», *чуди* (кроме того, следует учесть и возможность независимой семантической деривации на базе значений лексемы *челпан* 'посуда для замешивания теста', 'кочка на болоте' [ЛК ТЭ]).

Наконец, апофеозом действия процессов аттракции является вовлечение в круг сближаемых единиц практически любых звукокомплексов с начальным *чу-*, о чем свидетельствует возникновение легенд о *чуди* на базе топонимов с начальным *чуй-*, *чул-*, *чух-* (*чухч-*), *чуш-*. Такому сближению способствует экспрессивность звукокомплексов на *ч-*, а кроме того, дополнительные аттракционные влияния со стороны слов *чушь*, *чучка* (что особенно актуально для современного языкового сознания). Исключительную контаминационную активность слова *чудь* и подобных отмечает Т.А. Бернштам, говоря о сближениях антропонимов с корнями *чуд-*, *чур-*, *дур-* на территории Печорского бассейна¹², и Е.Н. Полякова, указавшая на возможность влияния слова *чучки* и под. на некоторые имена собственные в Прикамье, в частности, на коллективное прозвище *сучкь*¹³; ср. также обстоятельный анализ разного рода контаминированных форм в работе Р.А. Агеевой¹⁴. Таким образом, отражение образа *чуди* в фольклоре и языке во многом направляется сугубо внутриязыковыми факторами.

Топонимические предания о *чуди* на многих территориях разворачиваются в обширные тексты. Выше была приведена направляемая топонимами легенда о борьбе новгородцев с *чудью* на территории Верхнетомского района Архангельской области. Интересен также текст, узло-

¹¹ Полякова Е.Н. Проблема пермской *чуди* в лингвистическом аспекте // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Пермь, 1974. Вып. 1. С. 131.

¹² Бернштам Т.А. К проблеме формирования русского населения бассейна Печоры // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1985. С. 134–146.

¹³ Полякова Е.Н. Проблема пермской *чуди*... С. 129–130.

¹⁴ Агеева Р.А. Страны и народы... С. 106–112.

выми точками которого стали названия деревень Лешуконского района Архангельской области: под д. *Чучепала* «чудь пала», о чем свидетельствует и название находящегося рядом ур. *Крово*; о накале военных действий говорит и наименование д. *Резя*, под которой произошла резня, а также д. *Карашелье*, где карали пленников; в д. *Русома* был лагерь сражавшихся с чудью русских (новгородцев), а в д. *Чуласа* – чуди; в д. *Олема* новгородцы молились о победе над чудью (в связи с чем, по мнению информантов, следует восстановить начальную форму *Молема). Развернутые тексты могут быть составлены «по мотивам» топонимии других территорий, однако наиболее богат легендами о чуде восток Архангельской области (Устьянский, Лешуконский, Верхнетомский районы). В плане фольклорной специфики (мотивной структуры, тематического своеобразия) представленные выше предания отражают описанные многими исследователями особенности преданий о чуди¹⁵.

Вторым по популярности древним племенем на Севере являются *паны*. Образ панов по своей этиологии не менее (если не более) сложен, чем образ чуди, поскольку здесь сконтаминированы представления о первопоселенцах, внешних врагах (в первую очередь, польско-литовских интервентах), разбойниках, помещиках и, наконец, людях, живших до нынешнего поколения и оставивших после себя следы загадочной материальной культуры¹⁶. Предания о панах (как соотнесенные с топонимами, так и не связанные с ними) концентрируются на западе Вологодской области и юго-западе Архангельской области, а также в ряде районов Костромской области: это позволяет предполагать, что основой для появления таких преданий большей частью послужили события Смутного времени, когда Русский Север подвергался набедам

---

¹⁵ Грибова Л.С. Чудь по коми-пермяцким преданиям и верованиям // Всесоюз. конф. по финно-угроведению: Тез. докл. и сообщ. Сыктывкар, 1965. С.137–140; Климов В. Заметки к преданиям о чуди // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Пермь, 1974. Вып.1. С. 121–123; Криничная Н.А. Русская народная историческая проза. С.77–90; Лимеров П.Ф. Предания о чуди в контексте космогонических представлений // Традиционное мировоззрение и духовная культура народов Европейского Севера. Сыктывкар, 1996. С. 64–77; Оборин В.А. Соотношение легенд о чуди с коми-пермяцкими преданиями и их историческая основа // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Пермь, 1974. Вып. 1. С. 107–120; Рочев Ю.Г. Коми-зырянские предания о чуди // Вопросы финно-угроведения: Этнография, антропология, археология, фольклористика, литературоведение: Тез. докл. на XVI Всесоюз. конф. финно-угроведов. Сыктывкар, 1979. Вып. 2. С. 93; Смирнов Ю.И. Предания Европейского Севера о чуди // Проблемы изучения финно-угорского фольклора. Саранск, 1972. С. 55–62; ПРС, 237–242.

¹⁶ ПРС, 17; Шилов А.Л. Паны на Русском Севере // Материалы для изучения селений России: Докл. и сообщ. VI Рос. науч.-практ. конф. «Российская деревня: история и современность. М., 1997. Ч. 2: Язык российской деревни. С.89–91.

польско-литовских отрядов (естественно, с запада). Любопытно, что легендарные мотивировки могут возникать не только в связи с топонимами, напоминающими лексемы *лях*, *поляк*, *литва* или *пан*, но и проявляться как метаязыковая рефлексия на «польские слова». Такими словами в сознании носителя традиционной культуры могут стать, например, антропонимы *Ян*, *Томаш*, извлеченные из субстратных топонимов *Янгосарь* или *Томаша*, а также слово *рада* (это «польское слово», функционирующее в составе топонимов, в действительности представляет собой заимствованный географический термин со значением ‘сырое болото’ [ЛК ТЭ]).

Татары появляются в преданиях, сконцентрированных на востоке и юго-востоке Вологодской области и в Костромской области – ближе к зонам, где разворачивались реальные исторические события. Неактуальность этого образа татар для Русского Севера подчеркивается тем, что в соответствующих преданиях татары контаминируются с чудью: к примеру, по одной версии великоустюгское село Палема пытались взять татары, по другой там был бой с чудью.

Предания о других народах – турках и французах – единичны.

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «СЛЕДЫ ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНИЙ И УКРЕПЛЕНИЙ»

алтарь: луг *Волтари* и *Церкви* – «там находились чудские церкви, сейчас сохранились лишь окладные бревна» [В-Т, Красная];

амбар: г. *Пановый Анбар* – «там клад копали» [Бел, Новишки];

бугор: бол. *Бугровато* – «бугры там и сейчас есть: говорят, литва тут шла, битва была, это могилы» [Чаг, Остров];

вал: г. *Вал* – «у нас тут чудь была, ее разгромили новгородцы, у ней укрепления были, и богатства там были, так они столбы подрубили – и богатства в землю ушли, и сами они. Как раз в том месте было» [Шенк, Смотряковская];

городище (городок): р. *Городишная* – «при этой речке чудь жила, городище тут было такое» [Вил, Никольск]; г. *Городок* – «был городок, чуди какие-то жили, потом они по реке уплыли, а тут ложки всякие находили», «под этой горюшкой есть озерко, жили первобытные люди, и в это озерко они спустили золотую столешницу» [Кон, Якушевская]; ур. *Городок* – «на этом угоре стоял город Орловец. Когда было нашествие татар, со стен отражали бревнами: татары лезли, а с Городка скатывали» [В-Уст, Усть-Алексеево]; ур. *Городище* – «по р. Луза на Устюг шла чудь. Здесь ей перегородили путь. Крепость была, городище осталось. Бои были, смолевые бревна зажигали и сбрасывали на чудь. Преградили ей путь на Устюг. В Устюге тоже есть Городище. В честь боев урочище рядом называли Резаниха» [В-Уст, Палема]; место на р. *Горо-*

дище – «городище там раньше было, потом куда-то под землю ушло. И сейчас-де какой-то колокол звонит под землей» [Чухл, Пуминово]; пок. *Городище* – «там как курган насыпан, может, и не люди насыпали» [В-Т, Вороний Починок]; руч. *Городище* – «говорят, около этого ручья находился город, но это было давным-давно» [Карг, Шулёпова]; г. *Городище* – «высокая гора около Выи, там был укрепленный пункт» [В-Т, Фроловская]; ур. *Шанское Городище* – «на этих трех холмах городище было» [Шар, Коурчиха]; д. *Городищево* – «говорят, когда татары наступали, деревня наша строилась. С двух сторон овраги, с третьей Унжа, защита есть» [Мантур, Городищево]; р. *Городчуха* (рядом древний город *Халезец*, а также поле *Чудаки*) – «Город-чуха, потому что чучки жили, город был, крепость была», «чудские племена жили очень давно. За деревней Ковригиной был, как старые люди говорили, город Халезец. Чудских грабили приезжавшие на лодках люди. Город разрушили и сожгли», «приехали чучки какие-то по реке и город-то Халезец разорили», «Халец был город, который разорили татары. Татары дошли вплоть до Никольского», «Халезец когда-то был город, да его нарушили новгородцы, чучки какие-то жили, чучь», «Городчуха был, жили чухи, город звали Халезец, чучки жили раньше, лесной народ, неразвитой нисколько был» [Ник, Подольская, Челпаново, Ковригино] и мн. др.;

Грива: г. *Грива* – «на Гриве есть два погребка этих чудей-людей. Каменные погребка выкладены, не знает кто, ковды были выложены, их тут жило было, они жили в погребках» [Уст, Будрино];

двор (дворище): оз. *Стародворное* – «там разбойники жили, колокол в том озере утоплен – не могут достать, вот и зовут Стародворным» [Вин, Дементьевская]; ур. *Великий Двор* – «клад там был, оттого и Великий Двор» [Бел, Зининская]; ур. *Дворище* – «Дворище называется – какие-то прежде люди жили, они по дворам ходили да пировали всё» [Шенк, Нюнега]; пок. *Дворища* – «там был зарыт клад. Когда роешь, нельзя слова было сказать. Одни рыли, наткнулись на него. Один говорит: «Серьга, забрякало!» – и всё ушло» [В-Уст, Мителево];

колодец: пок. *Чудов Колодец*, недалеко ур. *Чудские Погреба*, ур. *Чудское* – «был колодец, из него чужь воду брала» [Вель, Шоноша]; ур. *Чучков Колодчик* у д. *Челпаново* – «чучки какие-то жили раньше, место сырое и колодец там глубокий в середине, никто его не делал, окошко такое» [Ник, Челпаново];

колоколья: г. *Колоколенка* – «челпаны жили, чудаки. Челпан один вышел на угор, повесил лапоть – и бум-бум-бум – начал в его звонить, как в колокол. А под низом вырыл большую яму, где крестить людей хотел. За это место прозвали Колоколенкой» [Вил, Колодино];

крест: поле *Крестовое* – «крест здесь стоял, братская могила была. На веках-то выпаживали головы. Здесь воевали чудь и литва. Петрович колодец копал и голову нашёл» [Нянд, Нестеровская];

курган: ур. *Курган* – «жили в этом кургане какие-то люди» [Кад, Михайловская];

могила: лог *Могилецкий Лог* – «поляки раньше не прошли, Устюжну не могли взять, решили пойти на Белозерск. А здешние кузнецы щеток, шипов таких наковали (первая металлургия была в Устюжском районе в России) и на дорогу набросали. Конница польская вся погибла, а в лесах мужики местные с пушками, с ядрами. Много поляков побили» [Устюж, Понизовье]; ур. *Могильники* (рядом бол. *Панское*, лог *Вахтенный*) – «там холмы такие – говорили, что паны похоронены» [Карг, Лохово];

печище: д. *Старое Чудское Печище* – «тут чудо жило когда по преданию» [Ник, Скочково]; пок. *Печище* у д. *Паново* – «по преданию, тут польский пан жил, видно, после нашествия Польши, когда не могли Кирилловский монастырь взять. Остался, обрусевший он был уже, от него название Печище» [Кир, Олютинская];

пещера: ур. *Пещёры* – «там пустота, гудит под ногами, сокровища прятают. Говорят, чудь там скрывалась» [Леш, Ларькино];

поклониться: г. *Поклонная Гора* – «название происходит от племени чудь. Было на горе сначала языческое святилище, а потом была построена часовня, куда чуди приходили молиться. Отсюда произошло это название» [В-Т, Клинья];

рыть: бол. *Рытихи* – «там литва проходила, изрыто всё» [Устюж, Асташкино];

стена: кам. гряда *Чудская Стена* – «в мелкую воду видно ее, из кирпича выложена поперек реки. Построили ее чуди-люди, которые первые на белом свете жить начинали»; «чуди жили в Чудской стене, на Гриве у них были погребы. Говорят, что вино в их они держали. Чуди реку хотели пересечи, хотели сделать мост, камни большой стеной наклады» [Уст, Будрино];

холм: пок. *Холмы* – «там как гряды накопаны – чудь жила» [Мез, Козьмогородское];

церковь: см. *альтарь*;

челдан¹⁷: г. *Челдан* – «там делали захоронения, гора насыпная. Памятные вещи хранили в этих челданах. А потом слово превратили в *чалдон*». Чалдон – человек, который старое помнит, а больше ничем не живет»; «там курган насыпной, в ём, бат, клад есть» [Котл, Прела, Малое Михалево].

---

¹⁷ Ср.: *челдан* 'небольшая горка' [ЛК ТЭ].

Комментарий. В данной группе выделяются лексические стимулы двух типов: во-первых, обозначения объектов материальной культуры – городищ, мольбищ, могильников и т.п., во-вторых, наименования объектов естественного происхождения, являющихся, по представлениям носителей традиционной культуры, типичными местами обитания аборигенов края, – разного рода неровностей рельефа (*бугры, гривы, курганы, холмы, пещеры, челданы* и т.п.). И то, и другое ассоциируется в первую очередь с чудью (ср. также название лощины *Чудские (Чучкие) Жернова* [Ник] и ур. *Чудские Погреба* [Вель]), реже – с панами. Исследователями отмечалась устойчивая связь образов чуди и панов с такого рода объектами, ср. также сочетания *чудские могильники, чудские городища, чудские ямы, чудские колодцы*¹⁸ (ср. также отмеченную ранее устойчивую связь топонимических *городищ* и основ *чуд-, чуж-*). Характерно, что представления о местах обитания чуди возникают на базе тех же языковых стимулов, что и представления о локусе нечистой силы (показательно, к примеру, совпадение стимула *рыть*, обозначающего типичное действие черта).

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «СОКРОВИЩА»

золото: г. *Золотая* – «разбойники топор бросали с одного берега на другой – клад есть! Василий Егорович яму глубоко вырыл, дорылся – лежит человек: «Дай мне, – говорит, – человечью голову, я тебе золото отдам!» [В-Т, Гушиха]; г. *Золотая Гора* – «когда-то жили здесь разбойники, а на этой горе было сделано ущелье и они там жили, и что было награбленное, там прятали» [Сок, Залесье]; пок. *Золотое Дно* – «там барин в болоте потопил золотую денежку» [Ваш, Парфеново]; ур. *Золотое Дно* – «золото на телегах возили покойники и бросали куда-то там» [У-Куб, Воронино]; пок. *Золотой Пуп* – «там разбойники жили, закопали две корчаги золота, два курковых ружья и серебряный стол» [В-Важ, Студенцово]; г. *Золотая Гора* – «жили люди в горе, начали выходить к реке, виден небольшой котлован – ямы себе копали» [Плес, Подкарельская]; оз. *Золотое Озеро* – «смолокуры там работали. Ехал купец рассчитывать смолокуров, лошади не шли, он их проклял – вместе с золотой каретой они в озеро свалились» [Вель, Фоминская]; пок. *Золотое* – «там золотое, считают, место. Клад, говорят, там был зарыт, а нечистая сила – загорел лес. А сковородки-то золотые находили, вот и прозвали Золотым», «пожня знатная, трава косить хорошо, а посреди горушка такая, колокольня, она на все четыре стороны, а сама макушка разрыта,

¹⁸ Грибова Л.С. Указ. соч. С. 138; Кривошекова-Гантман А.С. К проблеме пермской чуди // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Пермь, 1974. Вып. 1. С. 138; Полякова Е.Н. Указ. соч. С. 124.

там клад искали» [В-Т, Дунаево Село, Горка]; колодец *Золотой Колодец* – «червонные монеты находили» [Бел, Ануфриевская]; ур. *Золотарь* – «кто-то золото схоронил, хотели его искать, да не нашли» [Плес, Горы];

клад: ур. *Кладовица* – «клад там зарыт» [Шенк, Часовенская]; ур. *У Клада* – «всё место называлось У Клада, староверы сами себя хоронили, закапывались в ямы там» [Уст, Исаевская]; пок. *Под Кладом*, рядом пок. *Золотой Жар* – «клад какой-то явился, золото нашли» [Леш, Лебское];

серебро: руч. *Серебряный* – «там клад был зарыт» [Вин, Чамово].

Комментарий. Эта группа преданий является наиболее традиционной и не имеет территориальной специфики. *Золотые* и *серебряные* топонимы, на базе которых возникают переосмысления, чаще всего бывают изначально мотивированы физико-географическими свойствами объекта – цветом воды, дна в реке – или же (это верно для *золотых* названий) особой хозяйственной ценностью географической реалии.

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «РАЗБОЙНИКИ»

вор: бол. *Ворово* – «разбойники жили, кто мимо едет – воровали и бивали» [У-Куб, Тавлаш];

грабить: оз. *Грабильовка* – «чайная стояла по дороге из Лентьево в Бабаево, купцы грабили» [Устюж, Мережа];

разбойник: ск. *Разбойничья Слуда* – «нижнетоемские ушкуйники занимались разбоем, родом из новгородцев были» [В-Т, Пога]; ск. *Разбойник* – «там разбойники жили, нападали на всех» [Мез, Долгощелье]; о-в *Разбойник* – «разбойники жили с атаманом, там оружие и деньги прятали» [Прим, Чубола];

ушкуйник: д. *Ошкуй* – «тут новгородские ошкуйники жили, всех грабили» [Лен, Ошлапье];

шарить: часть дер. *Обшара* – «тут были бандиты, шарили, оттого и Обшара» [Ваш, Ухтома].

Комментарий. Предания о разбойниках также весьма традиционны. При оттопонимическом возникновении они появляются чаще всего в ходе народноэтимологического переосмысления топонимов, образованных от географического термина *разбой* (*разбойник*) ‘участок реки, текущий многими протоками, изобилует островами, где много отмелей, перекатов, осередышей’ [Мурзаев, 473], ‘скала, о которую «разбиваются» потоки воды’ [ЛК ТЭ]. Территориально специфична тема новгородских ушкуйников (ср. народную этимологию ойконима *Ошкуй*).

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «ПЕРВОПОСЕЛЕНЦЫ»
древнее русское население:

русские: д. *Русома* – «здесь был лагерь новгородцев, воевавших с чудью» [Леш, Русома];

смерд: куст дер. *Смердомля* – «раньше здесь жили русские племена смердов. Смерды – это славяне. Места у нас исторические. Церковь построена в честь победы Минина и Пожарского» [Чаг, Анисимов];

местность, из которой переселились
первые жители:

Киев: д. *Подкиевщина* – «еще при царе из-под Киева ссылались люди» [Вил, Павловск]; д. *Киуй* – «туда из Киева бежали первыс-то жители» [Ваш, Монастырь];

конкретные имена первопоселенцев:

любые названия населенных пунктов и др., которым приписывается отантропонимическое происхождение: дд. *Глотовщина, Крюковицина* – «первыми поселенцами были староверы-щепотошники Глот и Крюк, а потом вырубili яму, подрубили под ней столбы и погибли» [Вил, Колодино]; дд. *Тарасовская, Ежевская, Ереминская, Черкасовская* – «во время крепостного права прибыло 4 человека – Черкас, Тарас, Ерем, Еж. Они и основали 4 деревни» [Вель, Ежевская]; дд. *Кондратовская, Еремеевская* – «сидел старик Еремей на одной горе, Кондрат – на другой и не знали, что озеро есть. А к озеру вышли и встретились» [Нянд, Еремеевская]; гг. *Шалавина, Поливина, Коротейков Куст* – «в старину на Бору обосновались новгородцы Шалава, Полива и Коротейко. Построили тут себе хибарки. Теперь и называются горы Шалавина, Поливина, Коротейков Куст – место, где черемуха растет» [Он, Большой Бор]; д. *Шангалы* – «были переселенцы издалека, Шаны и Галы, поэтому деревня так называется» [Уст, Шангалы]; д. *Шалакуша* – «здесь место было пустое, поселился какой-то Куш, построил шалаш» [Нянд, Шалакуша]; д. *Лампожня* – «был король такой Лам, приехал сюда, расчистил пожни и назвал Лампожня» [Мез, Лампожня] и мн. др.

Комментарий. Предания о первопоселенцах являются самыми частотными из всех тех, которые возникли на базе топонимов. Как уже говорилось, нереальных мотивировок здесь не меньше (если не больше), чем реальных: произвольность собственного (личного) имени провоцирует носителя топонимической системы видеть отражение такого имени практически в любом ойкониме; можно сказать, что имя первопоселенца с необходимостью включается в смысловое поле ойконима. Интересно, что в качестве «исторической родины» жителей Русского Севера называется

не Новгород и не Ростов, а Киев, что, вероятно, связано с большей работанностью этого образа в фольклорной традиции.

Далее представлены обобщающие данные относительно того, какие топонемсы берут на себя роль стимулов при продуцировании топонимических преданий с историческими мотивами.

<i>Ассоциативное поле</i>	<i>Топонемсы, функционирующие в составе ассоциативного поля</i>
Военные действия	бой (побоище), вахта, воин, гнать, губить, дружина, карать, кровь, палить, пасть ('погибнуть'), повалить, рать, резать(ся), сотня, стан, стрелять
Историческое лицо	Петр Первый: батарея, великий, корабль, мачта, Петр (хоробрый), царь Иван Калита, калита Екатерина (Первая и Вторая): Катерина Иван Грозный: виселица Степья Разин: Сенька Ермак: Ермак дескабрисы: Бестужев, Пестель... царь и знать: боярин, воевода, князь, стража, царь
Чужой народ, племя	чужак вообще, чужь: дурак, лопарь, челпан, чужак, слова на чужд-, чул-, чуч-, чух-, чуш- и т.п. паны (поляки, литовцы и др.): король, литва, лях, пан, поляк, «польские слова» (рада, Томаш, Ян Госарь) татары: татарин турки: турак французы: француз
Следы древних поселений и укреплений	алтарь, амбар, бугор, грива, вал, городище (городок), двор (дворище), жернов, колодец, колокольня, крест, курган, могила, печище, пещера, погреб, поклониться, рыть, стена, холм, церковь, челдан
Сокровища	золото, клад, серебро
Разбойники	вор, грабить, разбойник, ушкунник, шарить
Первопоселенцы	древнее русское население: смерд, русский местность, из которой переселились первые жители: Киев конкретные имена первопоселенцев: любые названия населенных пунктов, которым приписывается этантропонимическое происхождение

Подводя итоги, отметим, что топонимикон Русского Севера (как, впрочем, и любой другой территории) может быть рассмотрен, с одной стороны, как текст, отражающий историю народа, а с другой стороны, как культурная среда, формирующая историческое сознание, поскольку топонимия воспринимается как мемориал историческим деятелям и событиям. Во многом благодаря топонимам носитель традиционной культуры представляет окружающий ландшафт как арену, где разворачива-

ются те или иные исторические события; при этом историческое пространство для него оказывается более близким, чем пространство мифологическое (хотя, конечно, история в известной степени мифологизируется). Топонимические предания с историческими мотивами являются одной из основных форм фиксации исторических знаний, своеобразным «учебником истории», постоянно пополняемым и обновляемым. Формирующая такие предания информация черпается из двух источников: во-первых, из набора собственно исторических знаний – неважно, достоверных или нет (источники этого знания со временем и с изменением уровня образованности трансформируются, однако основным, «классическим» источником исторических знаний для носителя традиционной культуры следует признать различные жанры фольклора); во-вторых, из набора географических названий. Набор географических названий способствует не только узнаванию исторических сюжетов в окружающем пространстве, но и развивает историческое знание, обогащая его дополнительными подробностями (извлекаемыми при переосмыслении внутренней формы топонимов).

Описывая явление этимологической магии, Н.И. Толстой и С.М. Толстая отмечают, что «народная этимология, имеющая весьма ограниченное распространение в языке как таковом, приобретает функцию одного из наиболее продуктивных приемов организации мифопоэтического и ритуально-магического текста»¹⁹. В рассмотренных выше случаях народная этимология тоже переступает границы своих обычных «полномочий» и становится движущей силой текста, ориентированного не на магическое преобразование действительности, но на познание ее. Экспансия сугубо языковой информации при познании действительности (весьма интересная для разработки теории лингвистической относительности) демонстрирует и **познавательную недостаточность** такой информации. Эта недостаточность подчеркивается той легкостью, с которой «историческое исследование» географического ландшафта на базе топонимов превращается в **языковую игру**. Игра становится крайней степенью проявления феномена фольклорной ремотивации, придающей последней рациональность и намеренность (ср. положение о том, что «эффект языковой игры связан с намеренной деавтоматизацией (переключением) ассоциативного стереотипа восприятия, конструирования и употребления словесного знака при помощи лингвистических механизмов»²⁰). Игровые интенции можно усмотреть в некоторых приве-

---

¹⁹ Толстой Н.И., Толстая С.М. Народная этимология и структура славянского ритуального текста // Славянское языкознание. X Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации. М., 1988. С. 250–264.

²⁰ Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996. С. 8.

денных ранее примерах, ср., допустим, творение «исторических» текстов на базе названий всех деревень определенного куста. Абсолютизация игровых установок приводит к попыткам уложить весьма обширный ряд названий в краткое присловье (не имеющее, разумеется, ничего общего с историческими преданиями). К примеру, названия находящихся около д. Лифино [Влгд] полей *Дедово, Денисово, Ступино, Нога, Тёплое, Субботино* подвергаются компоновке в текст «Дед Денис ступил ногой на тёплое в субботу» [Влгд, Лифино]²¹.

Трудно представить точные данные о том, как соотносится историческая информация, реально мотивирующая топоним, и содержание исторических преданий. В наибольшей степени претендует на достоверность та информация, которая мотивирует названия, образованные от тополексем ассоциативных полей «следы древних поселений и укреплений» и «первопоселенцы»; в наименьшей – топонимы, созданные на базе тополексем «историческое лицо» и «военные действия». Это объясняется явной нелюбовью традиционной русской топонимии к фиксации событийности и тяготением ее к отражению материального, физического мира.

Итак, топонимические предания с историческими мотивами весьма многочисленны и описывают ограниченный и четко заданный круг событий, поэтому многие тополексемы, лежащие в составе топонимов, с которыми связаны предания, могут быть сгруппированы в ассоциативные поля. Набор ассоциативных полей дает перечень тех «исторических» тем, на которые реагирует языковое сознание носителя традиционной культуры («военные действия», «историческое лицо», «чужой народ, племя», «следы древних поселений и укреплений», «сокровища», «разбойники», «первопоселенцы»). Такой способ группировки представляется релевантным механизму, определяющему появление преда-

---

²¹ Вообще явление языковой игры в традиционной топонимике нуждается в детальном изучении. Имена собственные имеют богатые возможности для реализации языковой игры, которая создается путем перекодировки языковой единицы, рассогласования различных ее сторон – плана выражения, плана содержания или мотивационного значения. В самой природе имени заложена игровая ситуация: с одной стороны, апеллатив, лежащий в основе онима, тяготеет к апеллативной системе с ее разветвленными семантическими связями; с другой стороны, функция маркера единичного объекта трансформирует семантический потенциал апеллатива, переводя родовое обозначение в видовое. Таким образом, функционирование в составе онима ставит мотивирующую лексику в двусмысленное положение, создавая предпосылки для языковой игры. Рассмотренный выше прием языковой игры – создание текста путем соответствующей компоновки внутренних форм онома – воспринят литературной традицией, ср., например, попытки юмористов писать рассказы целиком из фамилий, извлеченных, допустим, из справочника Союза композиторов.

ний. Для исторических преданий наиболее типична ситуация, когда фольклорная информация «навязывается» топониму в ходе вторичного переосмысления.

Попытка рассматривать географическое пространство как арену, где происходили исторические события, приводит к тому, что историческая тема, «инициированная» одним из географических названий, нередко получает развитие в преданиях, направляемых наименованиями смежных объектов. Чем большее количество топонимов вовлекается в этот процесс и чем более длинным оказывается соответствующий текст, тем произвольнее становится разрабатываемый сюжет и тем вероятнее дальнейшее разворачивание его в игровом ключе. Тем самым обуславливается двойственность познавательных возможностей фольклорной ремотивации.

Взаимовлияние этнокультурной информации, эксплицируемой фольклорными текстами и топонимами, оказывается асимметричным: фольклорная информация в редких случаях мотивирует топоним, в то время как обратная ситуация весьма частотна. Свойственная фольклору «нематериализуемая», нереальная событийность не соответствует когнитивным доминантам топонимической номинации (не случайно наиболее близкими топонимии оказываются фольклорные сюжеты о происхождении тех или иных элементов ландшафта).

М.Л. Гусельникова

Проблемы калькирования в топонимии

Явление калькирования в топонимии хорошо известно и не раз рассматривалось в топонимистике. Например, еще в 1847 г., описывая оронию Приполярного Урала, венгерский лингвист А. Регули предполагал, что «некоторые вогульские и остяцкие названия этой территории – кальки с имен самоедских»¹. Однако теория калькирования разработана в наше время лишь для нарицательной лексики. Поэтому представляется актуальным рассмотреть применение положений о лексическом калькировании к топонимии – прежде всего в области терминологии и выявления калек.

Термины *калька* и *полукалька* широко употребляются в ономастике, как и в лексикологии в целом. «Лингвистический энциклопедический словарь» (1990 г.) дает следующее определение: «*Калька* (< франц. *calque* ‘копия’) – образование нового фразеологизма, слова или нового значения слова путем буквального перевода соответствующей иноязыч-

---

¹ Регули А. Письмо П.И. Кеппену, 21 янв. 1847 г. // Зап. Императорского Российского географического общества. СПб., 1849. Кн. 3. С. 164.